

ЭТНОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Этнография как наука о происхождении и расселении народов (этнических общностей), об общих и особенных элементах их материальной и духовной культуры, быта и нравов, а также об изменении этих и ряда других характеристик народов в ходе их исторического развития и взаимодействия друг с другом, имеет тесные (хотя и не всегда организационно оформленные) связи с целым рядом наук. Некоторые из этих связей за последнее время уже подверглись специальному анализу¹, другие, несмотря на их важность, по существу еще детально и всесторонне не рассматривались. К числу последних относятся и те связи между этнографией и географией, которые будут разобраны в настоящей статье.

Многовековое взаимодействие этнографии с географией можно разделить на два основных периода: период с древности примерно до середины XIX в., когда происходило накопление неразделенных еще общих знаний о странах и населяющих их народах-этнусах, и период новейшего времени, когда этнография окончательно отделилась от географии и перешла в систему общественно-исторических наук.

Начало первого из этих периодов относится к эпохе существования великих античных цивилизаций. Расширявшееся общение их между собой и с окружающими странами и народами привело к необходимости систематизации и хотя бы частичного объяснения появлявшихся сведений об их природе и об обитавших там людях. Возникшая на этой основе научная отрасль получила в античной Греции название «География». И хотя некоторые из появившихся научных произведений (например, часть работ Страбона) по содержанию следовало бы отнести скорее к этнографическим, нежели географическим, все же «приоритет» начального «гео» вполне понятен. Античный человек не отделял себя от природы и, тем более, вполне признавал ее главенство. По древнегреческой мифологии именно богиня Земли — Гея родила богов, титанов и самих людей.

Впрочем, можно отметить, что уже в античное время обнаруживаются первые симптомы отделения этнографической тематики от географической. С одной стороны, появляются работы, направленные на познание формы и размеров Земли (Эратосфен, Дикеарх и др.) и ее картографирование (здесь вершиной были карты Птолемея), а с другой — работы, носившие преимущественно историко-этнографический характер (Геродот, Страбон и др.).

Слитное развитие этнографии и географии продолжалось в средние века и на значительном протяжении Нового времени. Это объясняется не только общей слабой дифференцированностью научных знаний, но и тем, что фактический материал — и географический, и этнографический,

¹ К. В. Чистов, Фольклор и этнография, «Сов. этнография», 1968, № 5; Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, О соотношении истории, этнографии и социологии, Там же, 1969, № 3; В. А. Никонов, Этнография и ономастика (на материале Украины), там же, 1971, № 5, и др.

расширявший представление о мире, поступал в основном из одних и тех же источников — из записок путешественников в близкие и дальние страны. Для средневековья достаточно показательны в этом отношении труды арабских путешественников (Ибн Фадлана, Макдизи и др.), а также описания путешествий европейцев в ранее неизвестные страны (Дж. Плано Карпини, Марко Поло, Афанасия Никитина и др.). Важным элементом содержания многих посвящавшихся в то время «географических» карт были народы, расселение которых показывалось их названиями, рисунками или иными способами².

Поток описаний резко возрос в эпоху великих географических открытий и начала широкой, как правило, колониальной экспансии европейцев в заокеанские страны. К сожалению, немалая часть таких географо-этнографических описаний была довольно поверхностной, и лишь сравнительно немногие из них (описание Юкатана Д. де Ланды, отчеты об экспедициях Дж. Кука, Ж. Ф. Лаперуза и др.) представляют собой действительно научную ценность и с точки зрения требований современной науки.

Особо следует сказать об относящихся к тому же времени донесениях («сказках») русских землепроходцев, открывших для изучения за сравнительно короткое время всю северную и северо-восточную часть Азии, а затем и Северо-Запад Америки. Эти донесения содержали, как правило, подробные сведения о природе обследованных районов (прежде всего об их гидрографии и рельефе) и об их населении, с описанием некоторых, важных в первую очередь для административно-фискальных нужд, этнографических деталей общественного устройства, хозяйства и быта. Добросовестность при сборе данных превратила эти донесения в первоклассные историко-этнографические источники. Это относится и к «чертежам» (картам) того времени, на рубеже XVII и XVIII в. замечательно систематизированным С. У. Ремезовым.

Традиции комплексных страно-народоведческих описаний продолжили многие русские академические экспедиции и «Топографические описания» XVIII в., которые дали высокие для своего времени образцы научного страноведения (работы С. П. Крашенинникова, П. И. и Н. П. Рычковых, И. И. Лепёхина и др.), органически включившие обширный этнографический материал.

Сохранившееся в этот период в страно-народоведческих работах иерархическое «главенство» географии было обусловлено главным образом тем, что развитие естественных наук вообще обгоняло развитие наук об обществе (получивших надежную методологическую базу лишь с разработкой К. Марксом и Ф. Энгельсом основ исторического материализма). В то время как, исследуя географическую среду, ученые-естествоиспытатели уже устанавливали важные закономерности (особенно после того, как на смену натурфилософским объяснениям пришли естественно-научные методы), при исследовании народов дело чаще всего ограничивалось лишь фактологическими описаниями этнических различий в региональном аспекте. Попытки установить закономерности общественного развития обычно оказывались неудовлетворительными. Весьма показательна в этом отношении работа Ш. Монтескье (1748 г.), пытавшегося объяснить особенности быта, нравы народов и даже системы их правления главным образом климатическими особенностями районов их обитания³.

Затянувшееся слитное развитие географии и этнографии получило свое организационное отражение в том, что крупнейшие, мирового значения географические общества имели в своем составе подразделения, занимавшиеся этнографией. Так, созданное в 1845 году Русское Геогра-

² По истории развития этнической картографии см. также: С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, «Сов. этнография», 1961, № 5.

³ Ш. Монтескье, О духе законов, «Избранные произведения», М., 1955.

фическое общество имело мощное и много лет продуктивно действующее Отделение этнографии. Ряд видных ученых работал как над географической, так и над этнографической тематикой; из русских исследователей здесь можно назвать Н. Н. Миклухо-Маклая, Д. Н. Анучина и др.

Размежевание этнографии и географии как особых наук началось в основном во второй половине XIX в. и оформилось (в разных странах в разной степени) в XX в. Работы Л.-Г. Моргана и И. Я. Бахофена, широко использованные в трудах Ф. Энгельса, а также более поздние работы Э. Тэйлора, Дж. Фрезера, Л. Я. Штернберга и других ученых очерчивают задачи этнографии как общественно-исторической науки, отличной от географии. Если раньше народы изучались как бы попутно с общим изучением природы и важнейших элементов географической среды, то теперь начинают проводиться специальные этнографические экспедиции и стационарные наблюдения.

Однако рамки этнографии очерчиваются еще недостаточно четко; часто ее объединяют с антропологией или расоведением.

А в географии в это время разворачиваются процессы внутренней дифференциации, в ходе которой она разделилась на два по существу самостоятельных научных комплекса: комплекс естественно-географических и комплекс общественно-географических наук. Центральное место в первом из них заняла физическая география, изучающая земную оболочку и происходящие в ней природные явления и процессы; во втором — экономическая география, предметом которой стали территориальное размещение производства и хозяйственные связи между районами. Правда, отдельные выдающиеся географы (А. И. Воейков, а еще раньше К. Риттер, и др.) делали подчас глубокие экскурсы в область исследования населения, но чаще всего без особого внимания к его этнической специфике. Редким исключением был Л. С. Берг — по существу «последний» в этом отношении «энциклопедист» в истории русской и советской науки⁴. Общегеографические карты, как правило, полностью освобождались от этнической нагрузки.

Это раздельное развитие географии и этнографии было, однако, нарушено возникновением немецкой школы антропогеографии, которая пыталась развить и углубить идеи географического детерминизма, объяснить особенности жизни народов, в первую очередь географической средой; основатель этой школы Ф. Ратцель написал, как известно, не только «Антропогеографию», но и «Народоведение». Школа эта имела много последователей (Э. Симпл в США, Л. Д. Сеницкий и А. А. Крубер в России и др.)⁵; ее идеи на западе живучи до сих пор. Антропогеографические идеи нашли свое отражение и в возникшей в самой этнографии диффузионистской школе, сторонники которой (Фр. Гребнер, Л. Фробениус и др.) противопоставили идее эволюционного развития культуры идею ее географического распространения и перемещения в рамках так называемых культурных кругов. В результате вновь усилились связи этнографии с географией на методологически неверной основе. Вполне очевидное и правильно подмеченное рядом географов воздействие людей на природу (Дж.-П. Марш, А. И. Воейков) нередко стало получать неверное истолкование; недосценивалась и «этническая окраска» возникающих в результате такого воздействия «культурных ландшафтов».

⁴ См., например: Л. С. Берг, Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство, Пг., 1918; его же, Население Бессарабии. Этнографический состав и численность, «Труды КИПС», Пг., 1923; его же, О древнем расселении енисейских самодов, «Изв. ВГО», 1945, № 5, его же, Названия рыб и этнические взаимоотношения славян, «Сов. этнография», 1948, № 2.

⁵ См.: E. Ch. Semple, Influences of geographic environment on the basis of Ratzel's system of anthropo-geography, N. Y., 1911; ее же, American history and its geographic conditions, Boston, 1903.

Несколько позже, в первой половине XX в., оформилась французская школа «географии человека», которая также открывала пути к комплексному изучению населения (в локальных особенностях его исторических судеб, в том числе этногенеза) и того географического окружения, которое влияло на эти судьбы (Ж. Брюн, О. Бернар и др; эта система взглядов восходит к Э. Реклю). Отдельные представители этой школы переоценивали биолого-экологические моменты (М. Сорр), что вело к установлению «связей» географии с этнографией через антропологию⁶. Возникали и другие линии взаимосвязей, также мало удовлетворительные в методологическом отношении. Так, в Германии ряд сторонников имела концепция А. Мейтцена, стремившегося вывести географические формы расселения в Европе из «духа народов» — германских, кельтских, славянских⁷.

Получившие широкое распространение в США, Англии, Австрии и других западных странах этнографические школы (функциональная, психологическая и др.) обычно трактуют этнографию как общественную науку, но склонны переоценивать либо психологические явления в жизни общества (Э. Дюркгейм, концепция «коллективного представления»), либо эколого-биологические моменты. Для этих школ характерен анти-историзм при рассмотрении проблем развития общества; недавно возникшая школа современной французской этнографии — «структурализм» — также отошла от историзма. Выводы некоторых школ, прежде всего функциональной, использовались империалистическими идеологами для укрепления колониализма. Все это в целом не создавало благоприятной обстановки для правильного взаимодействия этнографии с географией; некоторую заинтересованность в таком взаимодействии имели лишь диффузионисты, связывавшие с миграциями населения переносы отдельных элементов культуры (но при этом сами миграции нередко «придумывались», в угоду предвзятой концепции, в виде очень неправдоподобных и исторически не подтверждавшихся перемещений).

Упорядочение взаимоотношений между этнографией и географией в советской науке имело ряд существенных особенностей. В 1920-х годах наблюдается кратковременное оживление внимания к комплексным географо-этнографическим описаниям, связанное частично с прежними традициями русской науки, частично — с распространившимися в то время антропо-географическими концепциями среди ученых дореволюционной выучки; до 1925 г. этнографический факультет находился еще в составе Географического института в Ленинграде. Позднее связи между этнографией и географией резко ослабели. Размежевание этих наук имело свои минусы. Многие этнографы, как бы опасаясь впасть в географический детерминизм, уходят в это время от рассмотрения влияния географических факторов на те или иные этнографические явления и процессы; со своей стороны и географы все более углубляются в свои специальные области. География, по выражению видного эконом-географа Н. Н. Баранского, становится «бесчеловечной». Разграничение сфер этнографических и географических исследований в СССР было отражено и в организационной структуре системы научных учреждений: как известно, Институт этнографии в Академии Наук СССР отнесен к Секции общественных наук (Отделение истории), Институт географии — к Секции наук о Земле (Отделение океанологии, физики атмосферы и географии).

Но постепенное связи между этнографией и географией стали возрождаться и крепнуть по мере дальнейшего развития обеих этих наук,

⁶ См.: M. Sorre, *Les fondaments de la géographie humaine*, vol. I—III, Paris, 1947—1952.

⁷ A. Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen*, vol. I—III, Berlin, 1895.

появления стыковых дисциплин и разработки более совершенной методологии комплексных исследований⁸.

Переходя непосредственно к анализу этих связей, отметим прежде всего, что разграничение этнографии и географии отнюдь не следует выводить из неокантиантской концепции А. Геттнера, противопоставлявшего «хорологические» науки (т. е. науки, изучающие пространственное размещение явлений, в том числе географию) наукам «хронологическим» (т. е. изучающим явления с точки зрения их изменений во времени, как история и др.)⁹. Марксистская гносеология полагает обязательным генетико-исторический подход в «пространственных» науках, равно как и необходимость учета пространственных взаимоотношений при исследовании истории тех или иных явлений. Это закономерно приводит к взаимодействию различных наук.

Если говорить о возникновении стыковых дисциплин на границах между этнографией и географией, то надо прежде всего назвать выделившуюся в экономической географии, в качестве особой ее ветви, географию населения. Предметом, который она изучает, стало территориальное размещение населения, формы его расселения, его миграции¹⁰. В свою очередь в этнографии выделилась этническая география, изучающая размещение этнических (а также религиозных, расовых и др.) общностей¹¹. Для эконом-географов человек выступает прежде всего как важнейший субъект производства и потребления, для этнографов же — как носитель определенных этнических особенностей (культурных, языковых и др.).

В рамках этнографии развивается этническая картография, которая широко пользуется методами, разработанными главным образом географами. За последнее время этническая картография в СССР достигла больших успехов. В частности, были составлены этнические карты по всем регионам мира и сводный «Атлас народов мира» (1964), причем картографирование этнического состава населения различных стран мира сочеталось с изучением таких особенностей расселения (плотности населения, уровня урбанизированности и т. д.), которые входят главным образом в сферу географии населения¹². Со своей стороны, специалисты по географии населения все чаще включают в свои работы этнографические моменты. То же самое относится и к работам по исторической географии¹³.

Взаимосвязи между этнографией и географией не ограничиваются указанными областями перекрытий; они прослеживаются и на многих других линиях развития каждой из этих наук. Возникающие при этом методологические проблемы обусловлены необходимостью правильной оценки географами в своих работах роли этнографических факторов, а этнографами — роли факторов географических.

⁸ По существу первая серьезная попытка очертить методологические основы таких связей была сделана в статье: Р. М. Кабо, Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии, «Вопросы географии», сб. 5, М., 1947.

⁹ См.: А. Геттнер, География. Ее история, сущность и методы, М., 1930.

¹⁰ См.: В. В. Покшишевский, Содержание и основные задачи географии населения, в кн. «География населения в СССР. Основные проблемы», М.—Л., 1964; его же, География населения СССР, М., 1971; его же, География населения зарубежных стран, М., 1971.

¹¹ См. по этому вопросу: С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии, «Сов. этнография», 1963, № 1; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии, М., 1964.

¹² См.: С. И. Брук, Атлас населения мира (Основные проблемы демографо-этнографического картографирования), «Сов. этнография», 1970, № 1.

¹³ Тесное переплетение тематики географии населения и этнографии с историко-географическими сюжетами исследований было с большой силой подчеркнуто в ряде докладов на проходившей в октябре 1972 г. в Москве Первой всесоюзной научной сессии по исторической географии.

Первый круг этих проблем затрагивает главным образом интересы географов, поэтому он будет рассмотрен нами более кратко.

В сфере физической географии эти проблемы сводятся в первую очередь к учету этнических аспектов «культурного ландшафта», а также к выяснению характера воздействия людей, входящих в определенные этносы, на природные явления и процессы; в сфере же экономической географии — к анализу исторически меняющихся этнических аспектов в хозяйственной деятельности людей, роли этнических факторов в формировании экономических территориальных связей, форм расселения и т. п.

Влияние этнических элементов на компоненты среды всегда идет через материальное производство, в котором марксизм видит основу существования всякого общества. Накопленные исторически и как бы закрепляемые в этносах трудовые навыки, сформировавшиеся в их рамках традиции производства и хозяйственного быта налагают свою печать на взаимодействие общества и природы. Представление о культурном ландшафте (а современной географии почти не приходится иметь дела с ландшафтами, не затронутыми человеческой деятельностью) невозможно вне понимания особенностей расселения людей, традиционных форм хозяйства и быта, направления трансформации людьми растительного покрова, а нередко и рельефа, гидрографии и т. п. А все виды человеческой деятельности, определяющие эти географические изменения, существуют в рамках определенных этносов, обнаруживают определенную зависимость от этнических особенностей населения тех или иных географических районов. Предпринимавшиеся в прошлом попытки некоторых буржуазных исследователей игнорировать при изучении влияния этноса на культурные ландшафты промежуточное — производственное — звено оказывались неубедительными. Так, стремление уже названного выше А. Мейтцена выводить формы расселения (например, «кельтский», «германский», «славянский» и др. типы деревень) из якобы определяющего эти типы «духа нарсдов» оказалось несостоятельным; но там, где автор вводил в свои рассуждения учет исторически обусловленных аграрных отношений (община или другие формы социальной организации сельского населения) с формами хозяйственного землепользования, его рассуждения обретали некоторые реалистические черты.

Особенности материальной культуры того или иного этноса (прежде всего — набор орудий труда) в совокупности с навыками трудовой деятельности определяли пути и меры возможного нарушения человеком естественных ландшафтов, а традиционная форма жилищ и селений, а также других искусственных сооружений (например оросительных систем) — характер культурных ландшафтов. С развитием промышленно-технической революции началась носящая глобальный характер унификация материального производства, нивелирование прежних различий в орудиях труда, средствах транспорта, характере жилищ и других сферах материальной культуры; однако во многих областях земного шара этническая специфика хозяйства проступает еще достаточно четко.

Не менее сложно обстоит дело с выявлением географической роли тех этнических факторов, которые обычно относят к социальной, духовной и языковой сторонам жизни этноса. Однако о некоторых аспектах этой проблемы можно говорить вполне определенно. Очевидна, например, связь характера землепользования (а через него и некоторых сторон культурного ландшафта) с формами наследования, влияние семейно-родовой организации внутри того или иного этноса на типы расселения, особенности жилищ и т. д. Языковое сходство или различие влияет на установление хозяйственных и иных связей между жителями отдельных экономико-географических районов, во многом определяет миграционную подвижность населения и сами пути миграции. Религиоз-

ные установки и система этических ценностей могут влиять на выбор тех или иных видов хозяйственной деятельности и на набор потребляемой продукции; показательно, например, отрицательное отношение мусульман к свиноводству и, отчасти, к виноделию, индуистов — к употреблению в пищу говядины, а христиан — конины, хотя в отличие от ислама и индуизма в христианстве нет прямых запретов на те или иные виды пищи.

Степень воздействия человека на географический ландшафт, на природные явления и процессы зависит не только от типа хозяйственной деятельности и некоторых перечисленных выше факторов, но и от абсолютной численности этноса, т. е. от плотности населения, живущего в тех или иных географических районах. Между тем, режим воспроизводства населения, определяющий его естественный прирост и, прежде всего, уровень рождаемости, зависит, в свою очередь, от бытующих брачных обычаев, традиционного отношения к безбрачию, к бездетности и многодетности и от других факторов, восходящих к этническим особенностям¹⁴.

Обратимся теперь к другой стороне дела — к оценке влияния географических факторов на различные явления и процессы, изучаемые этнографией. Заметим прежде всего, что признание такого влияния не означает, конечно, какого-то возврата к антропогеографическим концепциям. Согласно учению исторического материализма географическая среда, природные условия не определяют ход общественного развития, хотя и влияют на него, накладывая, в частности, свой отпечаток на культуру (особенно — материальную) и быт народов, обуславливая особенности их расселения и т. д. Человек преобразует природу, использует ее в своих целях, но географические условия влияют на выбор им орудий, объектов и способов труда, на характер его трудовых навыков и всей хозяйственной деятельности. Природная среда может оказывать благоприятное или неблагоприятное воздействие на развитие производства, на рост численности населения, влияя тем самым и на ход этнических процессов; однако она не определяет ни сущности этих процессов, ни формы возникающих или заменяющихся в результате их особых социальных образований — этнических общностей.

Советские этнографы, как и географы, решительно отвергают «теорию», пытающиеся доказать якобы определяющую роль географических факторов в развитии общества и его этнических подразделений. Впрочем, это единодушие в последние годы было несколько нарушено Л. Н. Гумилевым, который выдвинул и пытался обосновать в ряде статей географо-психологическую концепцию этноса и этнической истории. Согласно этой концепции этнос — биологическая единица, таксономически стоящая ниже вида *Homo sapiens*, а само этническое деление человечества вызвано адаптацией групп людей к определенным географическим ландшафтам — «биоохорам», в которых люди обитали. По мнению Л. Н. Гумилева, этносы соотносятся с географическими ландшафтами примерно так же, как соотносится с природной средой обитания любой другой биологический вид; в связи с этим возникновение и развитие этносов, по его концепции, приурочено лишь к некоторым географическим районам мира¹⁵.

Методологические пороки такой концепции, уже подвергнутой критическому анализу¹⁶, представляются достаточно очевидными, если учесть, что этнос — не биологическая, но социально-историческая кате-

¹⁴ См.: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969 (гл. II).

¹⁵ Наиболее подробно об этой концепции см.: Л. Н. Гумилев, Этногенез и этносфера, «Природа», 1970, №№ 1 и 2.

¹⁶ См.: В. И. Козлов, Что же такое этнос? «Природа», 1972, № 2; М. И. Артамонов, Снова «герои» и «толпа»? Там же.

гория, причем его генезис и развитие определяются не биологическими законами природы, а специфическими законами развития общества. В отличие от процессов расогенеза, которые, особенно на их ранней стадии, вероятно, развивались в определенных районах мира и были в значительной степени обусловлены спецификой природной среды этих районов, существо этногенетических, т. е. прежде всего языково-культурных, процессов почти не определялось географическими факторами. Этногенез не локализовался в каких-то немногих особых ландшафтах, а фактически шел во всех областях ойкумены, хотя в ряде случаев природные условия могли несколько ускорять или задерживать ход этнических процессов.

Для правильного понимания существа взаимодействия этносов с географической средой немаловажное значение имеет разработанное в советской этнографической науке понятие о хозяйственно-культурных типах, т. е. исторически сложившихся чертах хозяйства и культуры, характерных для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях (например, типы «арктических охотников на морского зверя», «скотоводов сухих степей и полупустынь» и т. п.)¹⁷. В ходе истории, с изменением уровня развития производительных сил изменяется и характер влияния на хозяйство и культуру народов окружающей естественно-географической среды. Изменения эти могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа возникает и развивается у тех же самых народов и в той же географической среде совершенно другой тип. С разворачиванием промышленно-технической революции, исторически совпадающей со становлением капитализма, хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох начинают разрушаться, на их месте складываются новые и очень сложные региональные комплексы экономического и культурно-бытового характера, к сожалению, еще мало изучаемые этнографами.

Остановимся несколько подробнее на конкретной роли некоторых географических факторов. Наиболее важным из них является, очевидно, климат, во многом определяющий и другие природные компоненты и оказывающий существенное влияние на хозяйственную деятельность и многие стороны жизни людей (в том числе в известной мере и на их антропологические особенности). Можно отметить, в частности, влияние климата на элементы одежды (ее теплоизолирующие свойства, покрой и т. п.), жилищ (их материал, конструкцию, режим отопления), на набор возделываемых сельскохозяйственных культур и годовой цикл земледельческих работ, на транспортные средства в различные времена года и т. д.

Почва, рельеф и гидрография также оказывают важное влияние на характер трудовой деятельности (особенно в сельскохозяйственной сфере), на типы поселений и т. п. Достаточно сопоставить в этом отношении горский аул со степной станицей. Некоторые крупные естественные рубежи, например, горные хребты, широкие реки, пустыни, затрудняющие общение людей, особенно на ранних ступенях развития общества, могли играть заметную этноразделительную роль; более или менее значительная изоляция частей каких-то этносов от основных этнических массивов, наряду с локальной спецификой природной среды, часто приводила к превращению их в отдельные этнографические группы и даже в самостоятельные этнические общности. Весьма показателен в этом отношении Восточный Кавказ (Дагестан), где в изолированных одна от другой горных долинах сложилось много небольших народов (андийцы,

¹⁷ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, Там же, 1972, № 2.

Ботлихцы и др.). Следует оговорить, однако, что такая этноразделительная роль естественных рубежей является исторически ограниченной, связанной с типом и уровнем развития хозяйства. Так, крупные реки по мере развития судоходства начинают способствовать общению людей, живущих по их берегам, и даже пустынные области при развитии кочевого скотоводства становятся ареной межэтнических контактов. При использовании горных пастбищ для отгонного животноводства нередки случаи, когда этнос может «оседлать» горный хребет (наглядный пример — расселение осетин по обе стороны Кавказского хребта).

Растительный покров, точнее — состав флоры, определял материал жилищ и их виды (бревенчатые дома в лесной зоне, глинобитные с соломенной крышей в степях и т. п.), а вместе с особенностями фауны — специфику традиционной пищи и даже некоторые стороны социально-хозяйственной эволюции тех или иных народов. Так, отсутствие лошади в фауне американских континентов, очевидно, существенно задержало хозяйственное развитие индейских народов в областях умеренного пояса.

На формирование особенностей материальной культуры народов исторически оказывал влияние даже минералогический состав пород в пределах их этнических территорий (наличие тех или иных строительных материалов, металлических руд). Отметим в связи с этим, что недостаточность бытовавших в прошлом в науке таких «определителей» стадий исторического развития народов, как «появление гончарства», «обработка бронзы» (бронзовый век) или железа («железный век»), была обусловлена как раз тем, что многие народы (например, в Океании, где не было руд металлов) достигли классового общества, миновав эти, представлявшиеся ранее «обязательными» стадии развития.

Факторы географической среды оказывают (хотя и опосредствованно) существенное влияние и на некоторые стороны духовной культуры народов. Определяемые климатом циклы земледельческих работ у народов, живущих в умеренном поясе, обычно сопровождаются соответствующими обычаями, обрядами и праздниками (например, праздник Весны), совершенно неизвестными народам тропических стран. Ландшафты этнических территорий с раннего детства запечатлеваются в сознании населяющих их людей, становятся неперенным фоном народных сказаний, песен и других видов фольклора и в конечном счете оформляются в образе «родной земли», играющей столь видную роль в этническом (национальном) самосознании. При складывании у различных народов ранних форм религиозного сознания круг почитаемых ими предметов и явлений природы нес на себе печать ландшафтного окружения. Некоторые элементы ландшафта — то ли в виде зрительных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), то ли в сочетании с нарицательными именами (река Волга у русских, гора Фудзи у японцев) становятся своего рода символами этнической принадлежности. В последнее время началось изучение влияния климатических особенностей на психомоторные реакции и другие элементы психического склада групп людей, входящих в те или иные этносы.

Не менее существенны, разумеется, и влияния, оказываемые на различные этнографические явления экономико-географическими факторами — с той, однако, разницей, что элементы физико-географической среды уже по самой своей сути противостоят человеку как естественные внешние силы, а экономико-географические элементы — творения самих людей. К числу таких элементов следует отнести, прежде всего, специализацию хозяйства, размещение и сочетания его отраслей, а также концентрацию производственной деятельности; все это влияет на формы расселения, величину и характер населенных пунктов и, через это, — на многие стороны социальной жизни, например на интенсивность контактов как внутри этноса, так и между разными этническими группами.

Весьма велико в этом отношении и значение транспортной сети, развитость и характер начертания которой могут облегчить или, напротив, затруднить миграции населения, влияя тем самым на этнические процессы (консолидацию этносов, ассимиляцию и т. п.). Изучение таких процессов этнографами требует хорошего знания географии населения.

Мы рассмотрели некоторые важные аспекты взаимосвязи этнографии с географией. Как уже отмечалось, в различные периоды развития общества и научной мысли взаимосвязи эти складывались и истолковывались различно, под влиянием разных практических потребностей и развивающихся гносеологических и методологических концепций.

Плодотворность взаимосвязей этнографий и цикла географических наук на современном этапе их развития опирается на реально существующие потребности каждого из «научных партнеров». Все тома серии «Народы мира» и другие общетнографические работы не только сопровождаются специальными географическими очерками, но и стремятся в той или иной степени учесть влияние географических факторов на различные стороны жизни народов, на специфику их культуры. В свою очередь географы, прежде всего специалисты по географии населения, все шире вводят в свои работы этнографический материал. Заметно улучшилась за последнее время подача такого материала в школьных учебниках географии, хотя в этом отношении еще не все обстоит благополучно. Развертывается совместная работа географов и этнографов по созданию комплексных страно-народоведческих работ.

И для этнографии, и для географических наук все большее значение приобретают структурно-системные подходы. Это открывает новые возможности для комплексных исследований.

Следует отметить происходящий в географических науках заметный сдвиг в сторону их «социологизации». Эконом-географы все более отходят от изучения размещения одного лишь производства и все чаще обращаются к широкому кругу социальных взаимоотношений, складывающихся в ходе общественного воспроизводства жизни. Успешно развивающаяся сейчас география населения не только «социологизируется», но и «демографизируется»¹⁸. Как бы навстречу этой тенденции идет и укрепление связей демографии с этнографией; все это усиливается внедрением в обе науки количественных (статистических) методов исследования. Что касается физико-географических дисциплин, то и здесь наблюдается устремленность в сторону изучения географической среды в целях лучшего использования ее для нужд и потребностей человека. Весьма характерны предложения некоторых физико-географов выделять в качестве особого компонента географической оболочки земли «антропосферу» (или «техносферу», или даже «ноосферу»¹⁹). И пока на Земном шаре существуют различные народы, эта антропосфера всегда будет светиться, так сказать, этнически-неповторимыми спектрами.

Исторический обзор взаимодействия географии и этнографии и анализ их современных творческих контактов показывает большую плодотворность подобных контактов при правильной организации взаимодействия. Поучительно, что господство в отдельные периоды ошибочных концепций в каждой из этих наук снижало эффективность их сотрудничества или создавало ложные научные зависимости, лишь уводившие исследователей от истины. История обеих наук и опыт их современного сотрудничества в СССР убедительно показывают, что география и этнография лучше всего взаимодействуют, когда каждая развивается в рамках собственной методологии (на единой философской базе диалек-

¹⁸ См.: В. В. Покшишевский, А. А. Минц, О. А. Константинов, О новых направлениях в развитии советской экономической географии, «Материалы V съезда Географического общества СССР», Л., 1970.

¹⁹ Термин «ноосфера» (от греч. ноос — разум) был предложен рядом ученых, в том числе выдающимся советским геохимиком В. И. Вернадским.

тического материализма). Конкретные линии взаимодействия образуют здесь достаточно широкий фронт, немало проблем требует совместной разработки. Но любые попытки «поглощения» (целиком или в отдельных разделах) одной науки другой могут дать, при современном уровне дифференциации и специализации научных данных, лишь неудовлетворительные результаты.

ETHNOGRAPHY AND GEOGRAPHY

Links between ethnography and geography date from the most profound antiquity when both began to evolve within a single branch of science—the study of lands and peoples; a leading role was, however, played by geographical subject matter. Actually, it was only in the second half of the XIXth century that ethnography took upon itself the character of a historical discipline and became separated from geography. This separation, natural though it was, had certain negative consequences both for ethnography and for geography; these consequences are being eliminated in the course of the renewal of their interrelations based upon a new methodology. The paper examines the role of ethnographic factors in geography and, particularly, the role of geographic factors in ethnography, such as the influence of various elements in the geographical environment over the material and intellectual culture of the peoples of the world. It is observed that the strengthening of ties between ethnography and geography may exert a favourable influence upon the evolution of both these sciences.
